

включении ее в программы тематических вечеров домов культуры и клубов. Для более активного пополнения репертуара самодеятельных коллективов частушками Н. М. Галочкин рекомендовал при каждом очаге культуры на селе создать фольклорный кружок, участники которого занимались бы собирательской работой.

В. Н. Токман (Горький, НМЦНТ и КПП) посвятил свое выступление агитбригадам. Отметив, что в области 500 сельских агитбригад и почти столько же на производственных предприятиях и в вузах, он подчеркнул их популярность и большую силу воздействия на массы. Докладчик остановился на истории агитбригад и показал, что роднит их деятельность с народным творчеством. В заключение он сказал: «Хотелось бы, чтобы ученые-фольклористы, практики фольклора уделяли больше внимания этой форме народного творчества, видя в агитбригадах еще одну возможность сохранения фольклорных форм, и тем самым их популяризации и внедрения в самодеятельное искусство».

М. А. Лобанов (Ленинград, ИРЛИ АН СССР) в сопровождавшемся магнитофонными записями докладе «Отражение организационной специфики певческих коллективов Горьковской области в материалах ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР» охарактеризовал искусство певческих групп, записи от которых были сделаны экспедициями ИРЛИ. Во второй части доклада раскрывалась специфика устного народного творчества, которая выявляется в сопоставлении с традицией профессионального искусства, а не с художественной самодеятельностью.

О фольклорных произведениях на клубной сцене (по материалам экспедиций 1980—1981 гг. в Ардатском, Бутурлинском, Дивеевском и Выксунском районах Горьковской области) говорилось в выступлении студента ГГУ Н. В. Морохина.

Проблемы использования фольклора и этнографического материала в современных праздниках и обрядах рассматривались в докладе В. Н. Шишловой (Москва, Всероссийский НМЦНТ и КПП). Создавая новую советскую обрядность, подчеркнула она, крайне необходимо учитывать наиболее яркие и особенно характерные элементы традиционного фольклора, а также богатейший этнографический материал. Отметив отдельные просчеты, имеющие место в этой большой и нужной работе, В. Н. Шишлова призвала участников конференции активнее участвовать в создании современной обрядности.

Истории фольклорно-этнографических концертов на нижегородской сцене было посвящено выступление студентки ГГУ Т. И. Петровой.

Участники конференции с большим интересом прослушали доклад Т. И. Шлык (Архангельск, НМЦНТ и КПП) «Фольклор как средство патриотического и эстетического воспитания и его роль в работе клубных учреждений».

Заключительное заседание конференции было проведено в виде «круглого стола», который вела Б. М. Малицкая (Москва, Всесоюзный НМЦНТ и КПП). «Круглый стол» открылся ее докладом «Формы использования фольклора в художественной самодеятельности», в котором подробно рассматривались вопросы, касающиеся взаимодействия и различного рода связи художественной самодеятельности с народным творчеством. Затем выступили В. Н. Шишлова, Н. В. Мальков (Пенза, НМЦНТ и КПП), С. Д. Корнилов (Кострома, НМЦНТ и КПП), Г. В. Дресляников (Киров, НМЦНТ и КПП), Т. Е. Зенбичка (Москва, журн. «Культпросветработа»), М. А. Лобанов (Ленинград, ИРЛИ) и др.

Конференция завершилась принятием рекомендаций, определяющих основные задачи фольклористов Горьковской области.

В. Н. Морохин

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЛЕВОЙ СЕМИНАР «ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДОЙ И ДОИСТОРИЧЕСКИМИ ОБЩЕСТВАМИ»

Тема семинара входит в программу совместных работ Советско-Французской комиссии по техническому и научному сотрудничеству. Она была предложена на XIII сессии Комиссии в 1976 г. Исследования по этой теме рассчитаны на 6 лет (1977—1982) и подразделяются на три этапа, охватывающие следующие временные

отрезки: 1) ранний и средний плейстоцен — ранний палеолит, 2) поздний плейстоцен — верхний палеолит, 3) голоцен — мезолит и неолит.

Необходимость совместных исследований определяется возможностью сравнительного изучения истории первобытного общества в районах с различными природно-климатическими условиями. Программой семинара предусмотрено проведение советско-французской рабочей группой совместных научных полевых совещаний с обследованием наиболее важных из известных во Франции и СССР археологических памятников и геологических объектов. Ведущим учреждением с советской стороны выступает Институт географии АН СССР, с французской — Лаборатория антропологии и первобытной истории Прованского университета.

Автор настоящей заметки была приглашена как антрополог для участия в работе двух совещаний — в сентябре 1978 г. в Крыму и на Кавказе и в сентябре 1981 г. — на Русской равнине.

Для первого совещания были подготовлены и осмотрены следующие опорные палеолитические памятники: поселение мустьерского человека под скальным навесом в Красной Балке под Белогорском в Крыму (Заскальная V и VI) и целая серия многослойных пещерных памятников на Кавказе (Ахштырская пещера, пещера Апиангча, система пещер Цуцхвати, Сакажиа, Кударо и Цона). В путеводителе «Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа», выпущенном к совещанию на русском и французском языках, очень кратко рассматриваются геологические, геоморфологические, археологические и антропологические характеристики всех перечисленных выше мест обитания палеолитического человека, и на основе компонентного анализа делается палеогеографическая реконструкция среды обитания древнего человека для отдельных территорий.

В частности, относительно крымских мустьерских стоянок Заскальная V и VI делается вывод, что они существовали главным образом в перигляциальных степных условиях с малоснежными зимами. Начало заселения стоянок относится к ранним фазам валдайской эпохи.

По числу найденных палеоантропов Крым представляет собой счастливое исключение по сравнению с другими территориями распространения мустьерской культуры у нас в стране. Помимо всех известных и давно вошедших в научный обиход находок в гроте Киик-Коба и под навесом Староселье, на стоянках Заскальная V и VI были найдены затылочная кость взрослого, фрагменты нижних челюстей и костей посткраниальных скелетов четырех детских особей палеоантропов. Авторы, изучавшие эти находки (Якимов, Харитонов — 1979, Влчек — 1976, Данилова — 1980) независимо друг от друга приходят к выводу о специфичности этих палеоформ, сочетающих специализированные признаки, характерные для «классических» западноевропейских неандертальцев, с признаками, сближающими их с переднеазиатскими формами. В связи с тем, что большинство находок древнейшего населения на территории СССР составляют особи детского возраста, перед исследователями встает задача включения в таксономический анализ детских форм ископаемых гоминид, которая успешно решается и французскими, и советскими исследователями.

Ввиду обилия и многообразия ашельских и мустьерских памятников Кавказский перешеек, лежащий между Русской равниной и переднеазиатскими нагорьями, приобретает огромное значение в изучении ранних этапов становления человека на территории нашей страны и может рассматриваться как один из наиболее вероятных ранних путей расселения раннепалеолитических людей на север. Особенно в этом плане интересно изучение пещеры Азых в Азербайджане. К сожалению, ввиду своей отдаленности эта пещера не могла быть включена в программу маршрута участников совещания, однако этому памятнику было посвящено отдельное заседание в Тбилиси. В указанной пещере под типично среднеашельскими слоями был найден крупный фрагмент нижней челюсти человека и выявлены остатки более древней индустрии, сопровождаемой фауной тираспольского комплекса. Анализ такой палеоформы как Азых с наличием ряда черт, которые можно трактовать как характерные для архантропа, позволит уточнить границы обитания ранних гоминид в Европе. Изучение ранних гоминид именно с территории нашей страны может дать реальный ключ к пониманию связей древнейших обитателей Западной и Центральной Европы с такими важными для палеоантрополога регионами, как Ближний Восток и Передняя Азия.

Другой, не менее значительный и интересный пункт маршрута, — это Кударские стоянки и пещера Цона в Южной Осетии. Ашельские слои пещер Кударо I и III датируются ресс-вюрмом. Здесь были долговременные поселения древнейшего человека.

которые в связи со значительной амплитудой снижения снеговой границы находились то в пределах лесостепного пояса, то в широколиственных лесах, то в субальпийской зоне, что свидетельствует о большом экологическом разнообразии среды обитания древнейшего человека. К палеоантропологическим находкам относится лишь нижний центральный резец человека, по определению А. А. Зубова, архантропа.

Хочется коротко остановиться на находке фрагмента верхней челюсти с зубами и изолированного нижнего моляра человека из мустьерского слоя пещеры Сакажиа. А. Г. Векуа и Л. К. Габуния не исключают, что этот палеоантроп относится к ветви, в известной степени параллельной палестинским палеоантропам.

Участниками совещания по материалам симпозиумов 1977 г. во Франции и 1978 г. в СССР подготовлен том материалов, в первой части которого приводятся данные компонентного геоморфологического анализа, археологии и антропологии по каждой стоянке; вторая посвящена основным научным выводам исследования. Отдельные аспекты исследования нашли отражение в статье М. М. Герасимовой, А. А. Зубова, В. М. Харитоновой, В. П. Якимова «Некоторые материалы к вопросу о древнейшем человеке на территории СССР», где намечены и возможные перспективы сравнительного анализа палеоформ Франции и СССР.

С 1 по 14 сентября 1981 г. проводилось очередное совещание полевого семинара, на этот раз на верхнепалеолитических памятниках Русской равнины, детально изученной с палеогеографической точки зрения. Рассматривались памятники в бассейнах среднего Дона, средней Десны, среднего Днепра и его притоков. В большинстве своем это многослойные верхнепалеолитические памятники, что позволяет проследить развитие культур во времени. Сравнительный анализ различных групп памятников имеет важное значение для выявления направления связей в развитии хозяйства и культуры верхнепалеолитического человека. К тому же именно в указанном районе сосредоточены палеоантропологические находки, на основании которых строятся наши представления о верхнепалеолитическом населении Восточной Европы.

Напомним, что сравнительно недавно главным специфическим феноменом плейстоцена считались покровные оледенения, служившие канвой для создания общих схем природных событий этого периода. Время расцвета холодолюбивых элементов в природе сопоставлялось с максимальным распространением ледниковых покровов. При помощи радиоуглеродного метода и стратиграфических привязок фаунистических, палинологических, криологических и почвенных данных был сделан вывод, что максимум похолодания наступил в конце плейстоцена, когда ледниковый покров находился в фазе деградации (Величко, 1973). Результаты исследований показывают, что позднелепалеолитическое население распространилось на территории Русской равнины во второй половине валдайского оледенения в своеобразной обстановке суровой перигляциальной зоны. Значительный отрезок позднелепалеолитического этапа приходится, таким образом, на время наибольшего похолодания за весь плейстоцен, наступившего после брянского интервала около 24 тыс. лет назад. Условия похолодания были достаточно жесткими: основная часть равнины была скована многолетней мерзлотой и преобладали безлесные ландшафты.

Маршрут совещания проходил через города Воронеж, Курск, Железнодорожск, Брянск, Чернигов, Севск, Новгород-Северский, Яготин, Канев, Киев, Ленинград, Москва.

В долине среднего Дона был осмотрен район Костенок, где в настоящий момент на 26 стоянках открыто и исследовано более 60 верхнепалеолитических поселений, представляющих почти всю эпоху верхнего палеолита и отражающих сложную картину сосуществования различных культур. Приуроченность многочисленных многослойных стоянок на правом берегу Дона в логах и оврагах, прорезающих восточный склон Средне-Русской возвышенности, к довольно ограниченной территории создает впечатление о большой плотности населения.

Однако цифра эта ничтожно мала по сравнению с огромной протяженностью всей эпохи. В этом районе подробно изучены стоянки Гмелинская, Полякова, Спицинская и Аносовка II. Наиболее сильное впечатление на участников семинара произвел опыт музеефикации палеолитического памятника под открытым небом. На стоянке Аносовка II (Костенки II) раскопано большое жилище, в основании стен которого лежит более 400 крупных костей примерно от 30 особей мамонта. Внутри жилища прослежен очаг с мощным слоем пепла, вокруг него — ямы-кладовые. Над жилищем сейчас сооружен павильон, представляющий собой здание размерами 30×40 м, на 18 колоннах, с кирпичными стенами и плоской крышей. На фронтоне — рельефное изображение ма-

монтов. Музеификация осуществлена силами Воронежского областного музея, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В районе Курска была осмотрена стоянка Авдеево на р. Rogozne, притоке Сейма, которая интересна своим низким геоморфологическим положением. Знаменита стоянка обилием находок мелкой пластики: известны 5 женских статуэток из бивня мамонта. Во время экскурсии была продемонстрирована еще одна женская статуэтка, которая была найдена буквально за день до приезда участников совещания. Авдеевская стоянка относится к одной из наиболее выразительных культур Русской равнины. Для памятников ее характерны сложные бытовые комплексы, состоящие из овальной жилой площадки, окаймленной полуземлянками, вдоль длинной оси которой тянется ряд очагов.

Заслуживает упоминания осмотр древнейшего во всей центральной полосе Восточной Европы мустьерского местонахождения Хотылево I и верхнепалеолитической стоянки Хотылево II (правобережье Десны в р-не Брянска). Первое местонахождение приурочено к базальному горизонту 23-х метровой террасы в месте ее прислонения к коренному берегу. Сопровождающая фауна — ранний и типичный мамонт, шерстистый носорог, бизон, зубр, крупная лошадь, благородный и северный олени, медведь, волк — обычна для межледниковий. Местонахождение датируется или концом миклулинского времени или одним из последующих раннеюрмских интерстадиалов. В музее в Брянске участники симпозиума получили возможность ознакомиться с археологическими сборами из Хотылево I и II. Мустьерская коллекция поражает своим богатством: всего собрано 18 тыс. кремневых артефактов, из них 1600 нуклеусов, 900 орудий. Инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления камня, большим разнообразием двустороннеобработанных орудий (ручные рубила, рубящие, скребло-видные бифасы, листовидные наконечники). Это местонахождение — ключ к расшифровке возраста мустьерских местонахождений Деснинского бассейна.

Вторая значительная группа стоянок была осмотрена в районе Среднего Приднепровья. Это прежде всего, Пушкари I на Черниговщине и Добраничевка на р. Сулой. Указанные памятники И. Г. Шовкопляс считает этнокультурной областью развития мезинской культуры. Однако существование ее в тех временных и территориальных пределах, которые намечает И. Г. Шовкопляс, требует дополнительной аргументации, самое главное — геологического обоснования выделенных хронологических этапов. В Добраничевке силами колхозников сооружен музей-павильон над древним жилищем, которое оставлено неразобраным. Расположенные почти на уровне древней почвы смотровые дорожки создают эффект присутствия. В настоящий момент этот музей является филиалом Яготинского краеведческого музея.

Аналогии Добраничевке прослеживаются в Межиричах на р. Росаве. Эти стоянки сближают топографические особенности и характер домостроительства. В Межиричах исследовано четыре жилища. Для строительства каждого из них отбирались определенные части скелета мамонта, для первого — нижние челюсти, для второго — кости конечностей, для третьего — плоские кости, для четвертого — весь набор костей. В настоящий момент осталось неразобраным и законсервировано четвертое жилище, в выкладке отдельных групп костей которого наблюдаются определенная симметрия и ритм.

Мустьерским многослойным стоянкам Молодова I и V (бассейн среднего Днестра) было посвящено отдельное заседание в Киеве, где А. П. Черныш и И. К. Иванова сделали обстоятельные доклады. С интересной информацией выступил В. Н. Гладilin о раскопках в Королево в Закарпатье, где позднепалеолитический горизонт залегает между двумя мустьерскими слоями.

На заключительном заседании под председательством акад. И. П. Герасимова, проведенном также в Киеве, рассматривались научно-организационные вопросы и обсуждались научные результаты совещания. Хочется отметить, что несмотря на большую программу, сжатые сроки, значительное число участников, работа проходила в исключительно дружеской и деловой обстановке.

В заключение, хотелось бы поделиться теми мыслями, которые возникли у автора настоящего сообщения в связи с результатами совместной работы советских и французских ученых. При ретроспективном рассмотрении основной темы семинара: система человек — общество — географическая среда основной упор пришелся на геологию и геоморфологию. Между тем определение геологического возраста различных культурных слоев и условий их залегания — один из основных вопросов палеогеогра-

фического аспекта в решении проблемы взаимоотношений природной среды и человека, но не единственный. Так, даже не был поставлен вопрос о связи вариантов верхнепалеолитической техники с изменениями биотопов. Ведь в отечественной литературе существует представление как о связи климатических изменений с характером верхнепалеолитических индустрий Европы, так и о полифункциональности кремневого инвентаря, который не отражает специфику природных условий.

Само понятие «археологическая культура» в значительной мере является интуитивным и отличается различным объемом и содержанием у разных исследователей. Это впечатление подтверждается опросом, проведенным автором данной заметки в Костенках в 1979 г. Было опрошено 18 археологов разного возраста, опыта и научного статуса. Даже учитывая экспромтный характер данных ими определений, можно заметить, что часть исследователей (5 из 18) включает в понятие «археологическая культура» материальную культуру, территорию и время, приближая его, таким образом, к определению понятия «этнос». Соотношение между этими двумя понятиями формулируется нечетливо. В четырех случаях формулируется тезис о связи этноса с археологической культурой; в одном случае — такая связь отрицается. Во всех рассмотренных формулировках объем понятия «археологическая культура» шире понятия «материальная культура». Среди исследователей намечается тенденция определения археологической культуры через понятие «традиция» (4 случая). Два респондента рассматривают понятие «археологическая культура» как классификационное, представляющее собой следующую классификационную единицу после понятия «памятник». Короче говоря, как и в ряде других гуманитарных наук, здесь имеет место неразработанность понятийного аппарата. Между тем унификация основных понятий является неотложной задачей. Ясность в этом вопросе необходима как для археологов, так и для представителей смежных дисциплин.

М. М. Герасимова

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1981 г. Государственным музеем этнографии народов СССР было проведено 14 экспедиций в различные регионы Советского Союза. Основная задача экспедиционно-собирательской работы музея — сбор материалов для экспозиций, временных выставок, а также для пополнения фонда музея. В ходе полевого сезона участники экспедиций собрали более 1300 этнографических предметов, сделали свыше 1000 снимков.

Сотрудник отдела этнографии русского народа Г. Г. Бабанская совместно с художником Комбината живописно-оформительского искусства Ленинградского отделения художественного фонда РСФСР Э. В. Куликовой продолжали собирать иллюстративный материал в Пензенской области (Земетчинский район, дер. Оторма, Кириллово) по теме «Традиционное жилище» для организуемой экспозиции «Русские. Конец XIX — начало XX в.».

В результате поездок А. Ю. Заднепровской в Казань и Йошкар-Олу и Н. Г. Алоевой в Улан-Удэ новыми экспонатами пополнилась экспозиция «Искусство народов СССР» (разделы, посвященные народам Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока).

Значительный интерес представляет иллюстративный и вещевой материал по современной гуцульской свадьбе, полученный в ходе экспедиции сотрудника отдела этнографии народов Украины, Белоруссии и Молдавии Л. Б. Урицкой и фотографа музея М. П. Семаго в Иваново-Франковскую область УССР (Верховинский район, села Головы, Замагорив). Он будет использован в новой экспозиции, посвященной современным праздникам и обрядам народов СССР.

Заведующей отделом этнографии народов Прибалтики Д. А. Горб удалось собрать у вепсов, проживающих в деревнях Чубово, Чидово, Корвала, Нойдола, Ребов Конец Бокситогорского района Ленинградской области, более 300 экспонатов, среди которых особый интерес представляют предметы традиционной деревянной утвари конца XIX — начала XX в.

Впервые в фонды музея поступила коллекция (свыше 70 предметов) по этнографии среднеазиатских арабов, собранная в селении Джейнау Кашкадарьинской области Узбекской ССР заведующим отделом этнографии народов Средней Азии и Казахстана Б. З. Гамбургом. Несомненный интерес вызывают представленные в ней комплексы мужской и женской